

ПРЕМИЯ ЛЕОНА БОГДАНОВА

— 2024 —

КОММЕНТАРИЙ ЖЮРИ ПРЕМИИ к решению 2024 года

На первый взгляд, книга «О землетрясениях и сопутствующих явлениях исторического Туркестана», составленная Станиславом Нечаевым, научным сотрудником Института физики Земли им. О. Ю. Шмидта РАН, и опубликованная в 2023 году Библиотекой Российской академии наук, преследует совершенно строгие научные цели и относится к очень конкретной области научного знания — **исторической сейсмологии**. Идея этой дисциплины состоит в том, чтобы восполнить нехватку инструментальных наблюдений (которые ведутся только последние сто лет, тогда как периодичность землетрясений может быть и в пять, и в десять раз большей) за счет изучения исторических источников: по словам научного редактора издания Александра Овсяченко, «из периодических изданий, архивов, дневников и воспоминаний, летописей, описаний путешествий, научных трактатов и других письменных исторических источников по крупицам восстанавливаются свидетельства древних сейсмических катастроф». Таким образом, информация из старых текстов должна помочь в составлении актуальных сейсмических прогнозов.

Нечаев опирается на традицию, восходящую к А. П. Орлову и И. В. Мушкетову, усилиями которых в 1893 году был выпущен «Каталог землетрясений Российской империи»; как надеялся Орлов, подробное описание землетрясений (место, время, сила и пр.), важное и само по себе, когда-нибудь поможет создать общую теорию сейсмики, подчинить «темные теллюргические силы неизменным и вечным законам». Похожий каталог составляет для «исторического Туркестана» (региона, включающего в себя современный Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан и юг Казахстана) 1870–1889 годов и Станислав Нечаев: «Настоящая работа продолжает традицию составления каталогов макросейсмических эффектов (проявления землетрясения на поверхности), но в нем также учтены геологические, гидрологические, атмосферные (как и оптические),

электрические, метеорологические, космические и другие явления, главным образом сопутствующие сейсмическим». (Этой работе предшествовал выход серии из трех сборников научных трудов под редакцией Нечаева «Необычные и экстремальные явления XVIII века», опубликованных в том же издательстве в 2017–2020 гг.) Примерно понятно, что такой каталог может быть очень полезен для профессиональных сейсмологов. Но гораздо любопытнее тот факт, что адресованная узкому кругу профессионалов книга читается как увлекательное литературное произведение, созданное искусственным авангардистом.

С формальной точки зрения перед нами текст, выполненный в технике монтажа: Станислав Нечаев исследует огромное количество газет конца XIX века («Туркестанские ведомости», «Акмолинские областные ведомости», «Семипалатинские областные ведомости», «Семиреченские областные ведомости», «Туркестанская туземная газета», «Русский инвалид», «Правительственный вестник» и т. д.), чтобы извлечь из них только **отдельные фрагменты**, касающиеся землетрясений, наводнений, гроз и метеоритов. (Таким образом, землетрясение оказывается здесь **правилом, организующим структуру произведения**, «законом формы», подобно сонету, рондо или хокку.) Эти фрагменты располагаются в хронологическом порядке, но тем не менее монтажная техника (соположение разных источников, разных голосов, разных точек зрения на грандиозные события природы) позволяет достичь сильного художественного эффекта. Из газетного вороха эпохи Александра II и Александра III возникает удивительное пространство «исторического Туркестана», огромная территория от берегов Каспия до отрогов Тянь-Шаня, полная необъяснимых чудес, таинственных происшествий и чудовищных катастроф, перед которыми в изумлении (а зачастую в ужасе) застывают и местные жители, и приезжие ученые, и колониальные войска. Читатель погружается в мир странных показаний, одновременно реалистичных и призрачных, размывающих грань между свидетельством и визионерством:

Здесь в июне месяце по обыкновению начинаются ветры не продолжительные, но порывистые, и ходят по долине вихри, кружащие пыль столбами. Метеоры проносятся часто в виде падающих звезд. В 11 часов вечера 13-го июня пролетел блестящий метеор по направлению с востока на запад, при полном блеске луны. Проезжая в это время из станицы в завод Кузнецова, я сидел к нему лицом и видел его вполне. Огромный блестящий шар, как “друммондов свет”, пронесся мимо меня на обыкновенной высоте низких облаков и не более как чрез 10 секунд, почти поравнявшись против луны, исчез, оставив за собою в несколько сажень красно-огненный след с весьма слабыми искрами.

Из г. Усть-Каменогорска сообщают, что 9 сего мая замечалось любопытное явление: в восьмом часу вечера при тихой погоде на безоблачном почти небе на западе появилось облако в форме длинной, в несколько сажень на глаз, узкой, перевитой и переплетенной ленты, спускавшейся вниз; верх этой ленты терялся вверху небесного свода, низ принял розоватый оттенок от заходящего солнца, места же в середине, более выступавшие и обращенные в сторону взошедшего уже месяца, были освещены голубоватым светом последнего. Вся лента медленно двигалась по направлению к югу и мало-помалу расплылась и исчезла.

В воскресенье, 21-го мая, жителей кокан[д]ских обуял панический страх вследствие странного и необъяснимого атмосферического явления. Часу в пятом пополудни, следовательно, через четыре часа после того, как над Ташкентом разразилась сильная гроза с дождем и градом, над г. Кокан[д]ом стали собираться черные тучи, которые, постепенно опускаясь на землю и при этом все более и более сгущаясь, до того нависли над самым городом, что на улице сделалось темно, как в осеннюю ночь; повсеместно в домах и на базаре были зажжены свечи. При этом воздух был невыносимо сух и удушлив и почва до того нагрета, что в одних ичигах без калош нельзя было ходить по улице. Народ очень испугался; ему казалось, что город будет раздавлен какою-то опускающеюся с неба черною массой. Поднялся всеобщий оглушительный крик и плач; многие принялись усердно молиться.

Сегодня подборка подобных фрагментов могла бы быть опубликована в любом современном литературном журнале и концептуализирована (в зависимости от теоретических пристрастий публикатора) или как «фунд-поэтри», или как «нейчрал райтинг», или как «экологический автофикшн», или как «спекулятивное природоведение» (какое-нибудь «письмо волнений земли»), или как «резнактмент “литературы факта”».

Каждая газетная вырезка, приведенная Нечаевым, интересна сама по себе; но читая подряд множество этих текстов, мы угадываем и некую **общую драматургию**.

Чья это драматургия?

Разумеется, не авторская, вообще не человеческая; это **сейсмодраматургия**, драматургия тайных движений самой Земли.

Вот тянется повседневная, почти скучная жизнь, к которой привыкли, в

которой сотрясение почвы и небольшой снегопад кажутся событиями одного порядка:

28 января выпал снег, который шел с 11. ч. утра до ночи; ночью с 28-го на 29-ое снова выпал небольшой снег. Высота слоя снега за два раза = 2 вершк. Сильных ветров не было. В 2 часа утра 28 января ощущался в г. Ташкенте сильный подземный удар с сотрясением почвы. 31 января ветер с севера повернул на северо-восток. Барометр понижается и можно ждать оттепели.

Вот она перемежается отдельными, еще не страшными курьезами:

Сообщаем еще несколько подробностей о бывшем 20-го ноября в г. Верном землетрясении: Феномену этому предшествовал повсеместно вой собак, становившийся в минуту землетрясения лаем. Стоявший на часах в госпитале часовой говорит, что перед этим виднелась в горах молния, затем последовал шум и подземный удар. В госпитале, стоящем ближе к горам, чем другие здания города, отошли печи от стен; на потолках в квартире зрителя образовались значительные трещины. В новом губернаторском доме зазвенели звонки; в лавке купца А. упали с полок несколько банок, а в одном сартовском доме слетел со стола самовар.

А вот вдруг раздирается на части неожиданной страшной катастрофой, кошмарным бедствием, сопровождаемым огромными разрушениями и бесчисленными жертвами, замирает в ужасе и бессилии:

Всех бедствий не опишешь, да одному и знать их все невозможно. Знаю и видел такие случаи в первый день землетрясения: у некоторых наиболее нервных лиц появлялись симптомы, по-видимому, предрасполагавшие к параличу, человек, как в огне, дрожит, лицо багровое, все сосуды переполнены кровью; у этих лиц на другой или на третий день после землетрясения кожа лица как бы сгорела и начала отваливаться лоскутьями. Немало прибыло и седины у многих. Вчера нашли изуродованное тело ребенка, без головы, вынесенное, должно быть, из гор, с грязью: в горах много задавило народа, в особенности киргиз и русских (семьи полесовщиков).

Эмоции, рождающиеся при чтении книги Нечаева, нисколько не умаляют ее научной ценности, но заставляют задуматься о проблеме демаркации науки и литературы.

Мы видим, как научный труд открывает внутри себя измерение художественного, — такова книга «О землетрясениях и сопутствующих явлениях исторического Туркестана». Но мы знаем и пример, когда труд художественный пытался открыть в себе измерение научного, — такова книга «Заметки о чаепитии и землетрясениях» Леона Богданова.

Начинавший с довольно цветастой прозы, к середине 1980-х Леон Богданов почти полностью перешел на дневниковый, протокольный стиль письма, и переход этот был связан с целями не «выразительными», но, скорее, «эпистемологическими». Прилежно фиксируя информацию из советских СМИ, Богданов надеялся открыть сейсмические законы мира: «Мне хочется передать поступательный ход развития землетрясений, и от Газлийского, а еще раньше — от Гвинейского, до Мексиканского у меня зафиксирован каждый шаг», «Не может не быть системы во всех этих землетрясениях и извержениях. Даже так, что ее нет, но нельзя не видеть связи между действительно горячими точками планеты. Мне станут понятны и общие законы». На этот исследовательский пафос Богданова, как правило, не обращают внимания, видят в нем только причуду творческого ума. В самом деле, разве можно, записывая даты землетрясений, установить какие-либо закономерности?

Оказывается, можно.

Но только сейчас это «можно» начинает проступать отчетливо. (Мы присутствуем при таком «проступании».)

Художественные, неподцензурные, подпольные «Заметки» Леона Богданова завершились в советском Ленинграде в 1987 году. И вот, спустя 36 лет, в постсоветском Петербурге выходит книга, являющаяся научным, академическим доппельгангером «Заметок». Двойником с оформленными сносками и справочным аппаратом.

Такое двойничество кажется поразительным, неожиданным и вместе с тем очень логичным (во всяком случае, закономерным в системе Леона Богданова, любившего замечать, что где-то в СССР есть село Богдановка, и во Франции город Леон, и число жертв отравления, о котором сообщили по телевизору, совпадает с названием советского чая: «36»). И Богданов, и Нечаев ведут летопись землетрясений (первый — для восьмидесятых годов XX века, второй для восьмидесятых годов XIX века), основываясь на информации из государственных СМИ: оба кропотливо отыскивают мельчайшие фрагменты, а потом соединяют их в единое грандиозное полотно. И Богданов, и Нечаев добавляют к сейсмологическим фактам — факты метеорологические и факты атмосферные, считая, что это поможет скорее уловить что-то важное в загадочном ходе землетрясений. И Богданов, и Нечаев сосредоточены на востоке; и хотя «восток» Богданова —

это вовсе не «исторический Туркестан», но главным образом Китай, все же следует помнить, что самым первым импульсом, пробудившим у юного Леона интерес к сейсмологии, было землетрясение 1948 года в Ашхабаде, унесшее жизни 37 тысяч человек.

Приметы двойничества можно было бы умножать и далее, но важнее всего сам факт странной встречи академической российской науки и подпольной позднесоветской литературы на неочевидной территории **прогнозирования землетрясений**. Станислав Нечаев предлагает понимать свою книгу как «указатель нового типа — научно-вспомогательный **ретроспективный бюллетень**, информирующий о природных опасностях прошлого». Возможно, следуя интуициям Нечаева, и «Заметки» Леона Богданова продуктивнее мыслить не в качестве «дневника» или «автофикшна», но в качестве «научно-вспомогательного ретроспективного бюллетеня» (используя который, когда-то получится понять «общие законы» мироздания). Возможно, благодаря знакомству с нечаевским трудом по исторической сейсмологии сегодняшним литераторам станет лучше виден Богданов-исследователь, Богданов-натурфилософ. В то же время и несомненные художественные достоинства книги «О землетрясениях и сопутствующих явлениях исторического Туркестана», созданной Станиславом Нечаевым, гораздо легче различимы для тех, кто уже читал «Заметки о чаепитии и землетрясениях», кто уже приучен (на примере богдановского письма) отыскивать настоящую поэзию в длинных вереницах газетных выписок, в перечислениях вроде бы совсем «не поэтических» фактов.

Так два автора отражаются друг в друге, подсвечивают друг друга, и ученый оказывается поэтом, и поэт делается ученым, а мир в целом становится сложнее и прекраснее.

Жюри Премии Леона Богданова

25/12/2024